

Из Глбины МИТЕВОЙ

(перевод с болгарского)

ВЕРНУТЬСЯ

Как я искал обратный путь — домой!
И я грустил в тени недвижных дней
Под шёпот с призраками под луной,
Под сенью вишни — с горькою судьбой.

Как я искал обратный путь — домой!
Стучало сердце раненою птицей!
Как же с засоренным гнездом ужиться?
И как остаться мне самим собой?

Как долго я искал обратный путь
И ждал суда и тихого порога!
Я перед ним — как на коленях к Богу!
Как хочется, ему всё-всё вернуть!

Я ждал суда и тихого порога.
К ним далека, длинна моя дорога!
Но у порога вновь душа грустит:
Меня Господь и любит, и простит.

МОЛЧАНИЕ

Моё молчанье понято лишь болью,
Когда бреду, когда иду по свету.
И дождь смывает струями невольно
Обиду, горечь, что в душе поэта.

Боль затмевает всё кругом, она
Вонзила зубы в пульс души поэта.
Молчание — и это ль ни хвала
Тем, кто давным-давно уж канул в Лету?

Под лавой нескончаемого ливня
Вздыхают камни, мокрые от слёз,
Что знали обессиленных и сильных,
И пленников освобождённых грёз.

Непредсказуемо! И где найти ответ?
В чём смысл пространства? Чувства иссушить?
Предвидим Мир и преходящ наш Свет,
А Вечность — это пристань для души.

МЕНЯ ОБЪЯВИЛИ СОШЕДШИМ С УМА!

Ах, стелятся сплетни, как едкий туман, —
Мне в стопы впивается гравий.
Меня объявили сошедшим с ума:
Живу без каких-либо правил!

В день — ставни закрыты, а в ночь — при свечах,
Я в праздник аскет, в пост — пирую,
Нет жажды — богатых в дому привечать,
И самый последний в миру я.

Пусть я не оставлю себе на обед
Ни капли росы и ни крошек,
Но многие годы — три дюжины лет —
Кормлю обездоленных кошек.

Мне жёстка перина и мил сеновал,
Друзья мне — и доли, и горы,
Мне ветер унылую песнь напевал.
И соло мне радостней хора.

Мы с песней бродячей, как в ногу идём,
Букашке и бабочке рад я.
Беседу веду и с ручьём, и с дождём,
С тропинкой и солнцем, и градом...

Ах, сплетенный шёпот, как едкий туман...
Тошнит от речей пьедестальных...
Меня объявили сошедшим с ума:
О, Боже, спаси от нормальных!

Из Симеона ХРИСТОВА

(перевод с болгарского)

КАЛЕЙДОСКОП

Держал ли ты в руке калейдоскоп,
Игрушку, словно праздник панаир?
На первый взгляд — как будто телескоп,
А в сущности — весь разноцветный мир!

Разбитых стёклышек затейливый узор —
И пробегает жизнь, крутятся, мелькая.
Какой-то миг вдруг остановит взор —
И перед ним, глядишь, судьба людская.

Глядишь — и даже музыка звучит,
Любуешься — звенят синичек трели!
Крути, крути — от счастья здесь ключи!
Воздушных фей хрустальные свирели!

Но этот кадр я не хочу менять!
Остановлю я праздник панаир:
Здесь колыбельная, что мне слагала мать,
Моя душа, мой уникальный мир!

ПОСЛЕДНИЙ ТРУБАДУР

Пройдёшь ли ты со мной по серенадам,
Таким древнейшим, словно динозавры?
Погубишь ли со мною все баллады
И песни чести, и любви, и лавры?

И я не смолкну, верь мне, дорогая!
Меня послушай: время угасает!
И в очереди, что к подножью рая, —
Здесь трубадурство тихо истлевает.

Но буду петь я об руку с бокалом,
Потягивая между тем напиток.
Не ухожу: не хочется и рано.
И трубадурство, видишь, не убито.

МАГИЯ ЛЮБВИ

Я магом был, и магом я остался,
Кто встретится, кто может полюбить?
Я человек, и в том себе признался,
И постараюсь человеком быть.

Я мот и невозможный расточитель?
Я рвал себя на части, всё — для вас!
О, жизнь моя, мой пламенный учитель:
И я растерзан чувством — каждый час!

Я был поэтом? Вечно многословным?
Во мне живёт не колдовская статья?
Нет, я готов всегда к словам любовным!
Любви готов всего себя отдать!

Из Пенчо ПЕНЧЕВА

(перевод с болгарского)

У КОЛОДЦА ДЕТСТВА

Мы в мирозданье временные гости.
Ничто не вечно в этом бренном свете.
Сердца тихонько движутся к погосту,
Выстукивая, многие ли лета?

Когда, порой, уедем мы в деревню
И погрустим с колодцем старым рядом,
Заглянем в сруб с водой святой и древней,
В себе ребёнка остановим взглядом,

Перед глазами — отчие пенаты
Те, что тихонько душу греют вечно.
Что жизненным итогом будет, знать бы?!
А детский мир? Он длится бесконечно.

Душа в панельных блоках, как в печали.
Ребёнок вновь через года прорвётся
Из зеркала бездонного колодца,
Нас возвращая в светлое начало.

Текут года, как продолженье плена.
Вся наша жизнь — лишь в кулаке синица.
И мы идём по взрослой жизни, тлея,
И лишь ребёнок жив, который снится.

Из Димитра НИКИФОРОВА

(перевод с болгарского)

* * *

Нет, мой дед не хаживал в цилиндре,
Не носил и фрака-шевиот,
Богу он не слал вопросов длинных,
Что есть «доблесть», «честь» и «патриот».

Знал, кто не герой, и очень твёрдо.
Сам был верным для своей страны:
На плече, носил, как будто орден,
Рванный шрам от мировой войны.

А награды, спрятал: очень нежно
Каждую в тряпицу завязал,
Лишь однажды (и почти небрежно)
Как живым остался, рассказал...

Жизнь прошла — слова крестьянской прозы,
Смесь камней и извести, сынок,
Осенью, был благодарен лозам
И полыни за вина глоток.

Шум аплодисментов чтят другие.
А у нас не принято, мой брат.
Родина пережила героев
Тех, что молча под крестом лежат.

Из Анатоля ЗЕКОВА

(перевод с белорусского)

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЬКА

Прилаживал долго фанеру
К проёму оконца мой батька,
Чтоб мы, пацаны-кавалеры,
Не лезли заглядывать в баньку.

Кусок той фанеры, однако,
Хоть был и прилежно примерен,
Имел небольшой недостаток:
Там выпал сучок из фанеры.

И искоса глянув на двери —
Не вышел ли кто на порожек —
Мы льнули к той дырке в фанере,
Чтоб всё разглядеть у подружек!

Луч света в «глазке» тоньше нити —
Толкались под хохот ватажный,
Никто ничего не увидел,
Но хвастались смачно и важно.

О, детства прекрасные дали!
Подглядывать сладко украдкой...
Мы жён из девчат выбирали,
Из тех, что остались загадкой.

Из Михася МИРАНОВИЧА

(перевод с белорусского)

ГДЕ БОЛЬШЕ СЧАСТЬЯ?

Думали-гадали так и сяк,
Счастья больше где — о том дебаты.
— В будущем, — считает холостяк.
— Нет, в прошлом, — думает женатый.

ЖЕНЩИНЫ

Их рок безмерно ярок —
Такое их призванье:
Но холостым — в подарок,
Женатым — в наказанье.

ВСЁ СМЕШАЛОСЬ

Как время изменилось! Аккурат,
Смешалось всё: не жизнь — сплошная шутка.
Так, на работе дремлет депутат,
Работа вместо сна — у проститутки.